

Полковник Гуров

Николай Леонов

Лекарство от жизни

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Лекарство от жизни / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

ISBN 5-04-006655-4

Как болит голова ... Кто это на фотографии? Это тот, кого я должен убить.
А потом покончить с собой. И я сделаю это! Я должен. А кто он? Лев Гуров?
Мой друг? Мы вместе работаем. Не понимаю ... Но доктор приказал, и я
сделаю это. Что со мною? Я не могу ... Но сделаю ... Нет ... Я убью тебя,
Гуров. Придумай что –нибудь, прошу тебя ...

ISBN 5-04-006655-4

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов Алексей Макеев

Лекарство от жизни

Глава 1

– Нет, Лева, ты посмотри, что творится? – Разгневанный полковник Крячко влетел в кабинет Гурова и сильно хлопнул за собой дверь. – Полюбуйся, что за дела нам стали подсовывать!..

Крячко бросил на стол полковника тоненькую папочку и обрушился на стул. Гуров с удивлением поднял на него глаза. Он знал Станислава больше двух десятков лет и считал человеком достаточно эксцентричным для сыщика, но еще никогда не видел, чтобы он приходил в такое возмущение от полученной работы.

Гуров понял, что никакого объяснения от полковника он не дожидается, пока не просмотрит дело. Он взял папку и осторожно открыл. Глядя на фотографии и несколько исписанных листочков, что лежали в ней, Гуров наконец понял замысел генерал-лейтенанта Орлова.

На сегодняшней утренней пятиминутке, старательно пряча от Гурова глаза, начальник главка заявил, что я, мол, понимаю, как трудно сотрудникам, но министерство требует результатов. Поэтому с сегодняшнего дня каждый примет от МУРа по одному делу.

Тогда Гуров спорить с ним не стал. Он работал под началом Орлова уже больше двух десятков лет и понимал, что в такой ситуации возражать бессмысленно. Генерал знал, чем он сейчас занимается. И если навязывал дело, то имел на это основание. А в своем упрямстве Орлов мог и с Гуровым потягаться.

«Ладно. Что выросло, то выросло, – подумал Гуров, почти не слушая доводы начальства о необходимости раскрытия преступлений. – Пошлю за делом Станислава. Приму, но работы по нему они не дождутся. Это Юлий Цезарь мог три дела сразу делать. А я хоть и профессиональный сыщик, но не факир!»

Словно прочитав мысли Гурова, Орлов посмотрел на него и с расстановкой проговорил:

– Отчеты о проделанной работе и ваши соображения по полученным делам предоставите мне сегодня вечером. . .

Вчитываясь теперь в исписанные корявым почерком начальника следственной группы строчки, Гуров снова подивился способности генерала выходить сухим из патовых ситуаций. Дал замминистра указание помочь МУРу? Потребовал от Орлова обеспечить скорейшее раскрытие дел? Так, и кто будет спорить?.. Генерал поручение выполнил. А то, какие дела он востребовал, уже никого не интересовало.

Гуров улыбнулся и посмотрел на Крячко. Дело, что лежало сейчас на столе старшего оперуполномоченного по особо важным делам, не стоило и выеденного яйца.

В нем говорилось, что вчера в шесть часов вечера неизвестный злоумышленник нанес семнадцать ножевых ранений директору СП «Вероника» Калачеву Г.Т. Данный господин от полученных ран скончался на месте, а преступник попытался скрыться, но был сбит машиной марки «ВАЗ 2105», проезжающей мимо. Личность преступника и водителя автомобиля установить не удалось.

– Ну и что тебе здесь не нравится? – пряча улыбку, спросил Гуров.

– На нас что, теперь всю бытовуху вешать будут? – Крячко обернулся к Гурову и показал рукой на потолок. – Может, теперь еще и дежурными в ППС ставить начнут?..

– А что ты о себе возомнил, сыщик? – усмехнулся полковник. – До бога высоко, до царя далеко. Им виднее, что нас делать заставить. Еще нужно Петра благодарить, что нам какой-нибудь залежавшийся труп не подсунули.

– Нечего меня уму-разуму учить, – вмиг растеряв все свое негодование, буркнул Крячко. – Без тебя учителей хватает. Хотя если ты такой умный, то распорядись, начальник.

Вот теперь Станислав начал приходить в себя. Гуров лучше других знал, как привести своего напарника в чувство. Большинство людей от обиды концентрировались на себе и переставали мыслить логично. Станислава личная обида, напротив, побуждала к кипучей деятельности.

– Ладно, Стас, – проговорил Гуров, еще раз читая материал, – от этого расследования нам все равно не отвертеться. Выкладывай, что ты думаешь.

– Да что тут думать... – Крячко забрал папку из рук полковника. – Обычная бытовуха. Этому психу Калачев чем-то насолил. Вот он его подкараулил после работы и исполосовал ножом. Осталось только найти машину, что сбила психа, и вынести благодарность водителю.

– Очень глубокий анализ! – восхитился Гуров. – Хорошо, если бы все было так. Ладно, ляды точить можно долго, но соловья баснями не кормят. Мне к генералу вечером с отчетом идти. Так что ты займись старыми делами, а я пока по этому Калачеву людей пораспрашиваю.

– Верно люди говорят, – Крячко мог делать что угодно, но не язвить он не мог. – Ты у нас действительно легких путей не ищешь!..

– Да иди ты... – ругнулся Гуров в спину уходившему другу, но тот пожелание проигнорировал.

Гуров вновь пододвинул к себе папку и еще раз просмотрел дело. Версия Станислава была очень правдоподобна, но именно это почему-то насторожило полковника. Не так уж часто у нас таким образом убивают людей при свидетелях. Если, конечно, убийца не был сумасшедшим.

Как ни крути, но пока в этом деле было слишком много «если». Да ко всему прочему мотив убийства тоже находился в разряде предположений. Предполагать особо было не из чего, и Гуров, прокрутив в уме все возможные варианты, остановился на двух – сведение счетов либо «заказ».

«Не с того начинаешь, – одернул Гуров самого себя. – Чем выстраивать концепции, лучше проверь, что делается по установлению личности убийцы».

Полковник уже собрался позвонить капитану Веселову, который начинал следствие по делу Калачева, но в этот момент телефон зазвонил сам.

– Товарищ полковник, зайдите-ка ко мне, – голос генерал-лейтенанта Орлова показался Гурову очень напряженным.

Продолжения не последовало, и уставной ответ – «слушаюсь» – утонул в громком звуке коротких гудков. Гуров посмотрел на часы и удивился – он не замечал у генерала привычки вызывать подчиненных к себе в кабинет каждые пять минут.

Удивился Гуров не официальности тона. Это-то как раз вполне объяснимо. Несмотря на давнюю дружбу, они никогда не обращались друг к другу на «ты» в присутствии посторонних. Конечно, мало для кого в главке была тайной их личная приязнь, да и они секрета из нее не делали, но устава из-за этого никто отменять не собирался.

То, что генерал назвал его по званию, говорило о присутствии в его кабинете «человека сверху». А это тоже не сулило ничего хорошего. Недоумевая, что еще могло произойти, Гуров убрал дело в ящик стола и направился к выходу. До двери дойти не успел – вновь зазвонил телефон. Секунду поколебавшись, Гуров поднял трубку.

– Лев Иванович? Капитан Веселов беспокоит, – проговорил в трубке знакомый голос. – Тут у нас старушка сидит. Говорит, что сын у нее пропал. Дескать, вчера из больницы выписался, а домой не пришел. Мы ее хотели отправить, но она принесла фотографию, а на ней тот мужик, что Калачева пришил...

– Ничего ей не говорите. Задержите до моего прихода, – Гуров подумал, что на ловца и зверь бежит. – Я к генералу. Как освобожусь – сразу к вам!..

Человек, что удобно устроился в кресле по правую руку от хозяина в кабинете Орлова, выглядел лет на тридцать пять. Он был одет в строгий черный костюм, застегнутый на все пуговицы. Галстук был затянут так, что, казалось, удушит своего владельца, а проницательные серые глаза прятались за очками в металлической оправе.

Гуров посетителя не знал, и Орлов поспешил представить их друг другу.

– Товарищ полковник, познакомьтесь. Это товарищ Горшков Анатолий Алексеевич. Он следователь Московской прокуратуры...

Поймав на себе удивленный взгляд Гурова, генерал на секунду замолчал и слегка пожал плечами. Казалось, что он радовался новому человеку из прокуратуры не больше полковника.

Гуров уже привык работать с Игорем Федоровичем Гойдой. Ему импонировал этот невероятно трудоспособный человек. Они хорошо сработались, и сейчас Гуров недоумевал, отчего прислали нового человека.

Спрашивать об этом генерала он не стал. Выяснить причину отсутствия Гойды можно было и позже. Сейчас гораздо интереснее было узнать, зачем Орлов его к себе вызвал.

Гуров заметил, как недовольно поморщился следователь, когда генерал по привычке назвал его «товарищем», и решил для себя это отметить. Видимо, Горшков не относился к поклонникам коммунистов и предпочитал привычному обращению «товарищ» новомодное слово «господин». Гуров и сам никогда не был приверженцем коммунистов, но не считал зазорным обращаться друг к другу «товарищ».

«Что ж, пригодится для частного общения!» – подумал Гуров. Он уселся на стул напротив Горшкова и выжидающе посмотрел на своего начальника.

– Лев Иванович, – генерал решил назвать его по имени-отчеству, видимо, для разнообразия, – Анатолий Алексеевич будет работать с вами по делу об убийстве Калачева. Введите его в курс дела.

Больше Орлов ничего не сказал, жестом дав понять, что они могут быть свободны. Следователь хотел что-то возразить, но не решился и, изобразив оскорбленное достоинство, пошел вслед за Гуровым.

Пока Гуров со следователем шли по коридору, они не обмолвились ни словом. Полковник не спешил начать разговор. Он вел себя словно хороший шахматист, не торопящийся с развитием партии. Пусть противник ходит, а мы посмотрим, насколько он хороший игрок.

В том, что Горшков будет в этом деле скорее противником, чем партнером, сомневаться не приходилось. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что следователь считает их с генералом чем-то вроде маразматичных пережитков коммунистической эпохи. Причем не только считает, но еще и свое превосходство над ними доказать не преминет.

Все это Гуров понимал и молчал, тихо улыбаясь. По закону следователь прокуратуры при раскрытии преступления являлся старшим группы. Полковник должен был бы начать сию минуту отчитываться Горшкову о проделанной работе и ждать его ценных указаний, но Гуров не спешил, умышленно разжигая в следователе недовольство.

Горшков, несмотря на свою относительную молодость, тоже оказался калачом тертым. О своенравии старшего оперуполномоченного он был наслышан немало и теперь готовился отстаивать свои главенствующие позиции в расследовании убийства. А Гуров решил сыграть простачка.

– Присаживайтесь, Анатолий Алексеевич! – Гуров широким жестом показал следователю на свое кресло, едва они вошли в кабинет. – Вот уж не представляю, зачем вас от работы отрывают. Дело-то пустяковое, тут бы и практиканта из юридического хватило. Или у невинно убиенного покровитель там имеется?

Гуров показал рукой на потолок и глуповато ухмыльнулся. На мгновение выражение недовольства промелькнуло на лице следователя, но он тут же вновь натянул на себя маску

служебного равнодушия. На предложенное Гуровым место он не сел, а устроился на жестком стуле для посетителей.

– Лев Иванович, – натянуто улыбнувшись, проговорил Горшков, – давайте оставим начальство в покое и перейдем к делу. Свои предположения мы можем обсудить и позже, если в этом будет необходимость.

– Да ради бога, – пожал плечами Гуров и в трех фразах изложил имеющиеся факты, скрыв лишь то, что сообщил ему Веселов перед визитом к генералу.

– И это все? – Горшков окончательно осознал теперь свое превосходство над сидящим полковником и снисходительно улыбнулся. – Материала маловато. Я сейчас еду в прокуратуру – у меня и без этого дел предостаточно. Будьте добры, Лев Иванович, соберите к двум часам ко мне всех свидетелей по этому делу. Думаю, что с таким заданием вы в состоянии справиться!

– Конечно, конечно, Анатолий Алексеевич! – Гуров просто лучился от желания угодить. – Непременно всех соберем. Будьте уверены...

Следователь поднялся из-за стола и попрощался. Уходя, Горшков подумал, что слухи о полковнике оказались преувеличены, как и все остальные сплетни. Действительно, окажись Гуров равнодушным скандалистом, разве дослужился бы он до полковничьих погон? А будь он так талантлив, как говорят некоторые, то давно бы сидел на месте Орлова.

Впрочем, никакой личной неприязни к полковнику главка Горшков не испытывал. Конечно, манеры Гурова оставляли желать лучшего, но что можно взять с человека, воспитанного коммунистическим строем? Главное, чтобы он делал свое дело, как положено. Так, как привык к этому Горшков. Тогда и остальное не будет иметь значения.

Гуров улыбнулся в спину выходящему следователю. Догадаться о том, что он думает, для сыщика не составляло особого труда. Стоило только взглянуть на снисходительно-самоуверенную физиономию Горшкова, и все становилось на свои места.

Едва за следователем закрылась дверь, как Гуров поднял трубку и позвонил Веселову. Он предупредил, что сейчас спустится, и попросил приготовить ему кабинет, где мог бы поговорить с матерью убийцы.

Гурову меньше всего хотелось быть тем человеком, кто скажет матери о смерти ее чада, да еще и объяснит, что ее сын был преступником. Судя по всему, старушка даже не могла себе представить, что произошло вчера вечером в Докучаевом переулке.

Неожиданно Гуров почувствовал себя мерзавцем. Он прекрасно знал, что сын старушки лежит в морге, но не собирался ей этого говорить. Он хотел, чтобы женщина рассказала о сыне как можно больше, прежде чем узнает о его смерти. Полковник боялся, что после такого известия она может впасть в ступор и вытянуть из нее что-либо будет трудно.

С одной стороны, разговор со старушкой до того, как она все узнает, был более гуманен. Тем более что будет отсрочена для нее страшная весть. Но, с другой стороны, полковник понимал, что успокаивал этим самого себя. Именно холодный расчет в целях извлечения максимальной для следствия пользы и был для Гурова отвратителен. Не понимая этих не совсем логичных чувств, Гуров прислушался к себе.

«Старею, – с горькой усмешкой подумал он. – Скоро начну плакать, когда буду задерживать убийц».

Капитан Веселов с превеликим удовольствием сложил с себя обязанности по встрече родственницы покойного и предоставил Гурову кабинет, где располагалась его группа. Он твердо пообещал, что к приходу полковника помещение будет свободно и ни одна живая душа не сунет туда свой нос.

Старушку звали Артемова Татьяна Захаровна. Ей было около семидесяти лет, одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять, насколько сильно ее потрепала жизнь. Крас-

ные слезящиеся глаза, глубокие морщины и мертвенно-бледный цвет кожи говорили сами за себя.

Старушка не кричала, не ругалась, ничего не требовала. Она спокойно сидела на стуле, а ее нервное напряжение выдавали лишь старческие скрюченные пальцы, беспокойно теребящие край затертой кофточки.

Гурову трудно было сказать, заметила ли Артемова, что с ней стал разговаривать другой человек. Настолько много в голосе старушки было обреченности и усталости. Даже на вопросы полковника она отвечала так, словно он был инспектором собеса, который требует у бабушки в тысячный раз одну и ту же справку для прибавки к пенсии.

Все же разговор с матерью убийцы не был бесполезным. Вскоре Гуров знал, что ее сын Николай был единственным ребенком в семье. Родила его Татьяна Захаровна поздно, почти в тридцать пять лет, и с детства баловала Колю изрядно.

Жизнь у него не сложилась. Учиться Коля не хотел, да и работать особо не стремился. Прыгал всю жизнь с места на место, пока не допрыгался до того, что его выгнала жена. Если Артемов и до этого «попивал», как выразилась его мать, то после развода стал пить запоем.

Старушка помучилась, собрала остатки своих сбережений... Добрые люди подсказали ей хорошего доктора, и она отправила сына к нему на лечение. Доктор обещал, что через две недели ее сын забудет, в какой руке рюмку держать, и правда! В прошлую субботу Николай пришел домой трезвый, веселый, даже помолодевший. Говорил, что, мол, теперь новую жизнь начнет. Вчера его выписать из больницы должны были и домой отпустить. Артемова звонила, и девушка сказала ей, что выписали сына. Вот только не пришел он домой, а идти ему больше некуда.

«Нашлось куда!» – подумал Гуров, а вслух спросил:

– Татьяна Захаровна, скажите, пожалуйста, в какой больнице Николай лечился?

Старушка поковырялась в заштопанной вельветовой сумочке и достала помятый листочек. Она протянула его Гурову, даже не подняв головы. Это была простенькая визитная карточка, на которой стоял адрес и фамилия доктора: частная наркологическая клиника доктора Запашного. Несвижский переулок, дом 6. Гуров запомнил адрес и вернул визитку старушке. Предисловия кончились, теперь начиналось самое сложное.

– Татьяна Захаровна, а где ваш сын работал... – Гуров запнулся, неосознанно упомянув Артемова в прошедшем времени, и поспешил добавить: – До лечения.

– Да нигде он не работал, – так же монотонно проговорила старушка. – Грузчиком на каком-то складе был, да выгнали его и оттуда.

На каком складе работал Артемов, Гурову выяснить так и не удалось. Судя по всему, Татьяна Захаровна действительно не знала этого. Она сказала только, что ее сын ездил работать к стадиону «Динамо».

– Не знаю, зачем вам это, – после долгих расспросов проговорила Артемова. – Но уж если надо, то можно в его трудовой посмотреть.

Это уже был какой-то плюс, хотя Гуров и не мог понять мотивов убийства. Он пытался проследить связи между Артемовым и Калачевым, но найти не мог. Ничего не могло дать и то, если выяснится, что именно в «Веронике» работал убийца.

«Уволенный грузчик мстит своему начальнику ударами ножа!» – представил Гуров заголовки газет и ухмыльнулся. Глупее ничего придумать было нельзя.

А другое и не приходило в голову. Конечно, то, что после убийства Калачева Артемова сбила машина, может говорить в пользу заказного характера преступления. Но кто рискнет нанять убийцей спившегося грузчика? Да еще и так мастерски подгадать с ликвидацией исполнителя!

Гуров всегда считал, что для совершения преступления должна быть причина. От банальной – «мне твоя рожа не нравится», до фанатично-сверхъестественной – «за бога, царя и оте-

чество». В этом спектре и выискивает себе оправдание каждый преступник. Если он не сумасшедший. У этой категории свои взгляды на мир.

В то, что Артемов был ненормальным, Гуров верить не хотел. Судя по тому, что рассказывала старушка, Николай был обычным русским мужиком – в меру ленивым и не в меру пьющим (а куда ж без нее, родимой). И именно поэтому понять мотивы, толкнувшие его на убийство, было сложно.

Гуров разозлился на себя. Не в его правилах было делать из мухи слона, но именно сейчас он этим и занимался. Пусть в не совсем обычном, но рядовом убийстве полковник пытался найти какие-то скрытые мотивы. А вот зачем он это делал, было непонятно и ему самому.

«Да хрен с ними, со всеми сумасшедшими, вместе взятыми! – раздраженно подумал Гуров. – Что я к этому Артемову прицепился? Моя задача маленькая – установить личность убийцы и найти водителя «пятерки». Найду машину, а с остальным пусть следователь разбирается. И без этого у меня работы непочатый край».

– Извините, Татьяна Захаровна, – проговорил Гуров, поднимаясь из-за стола, – я на минутку.

Он вышел из кабинета и столкнулся с Веселовым. Капитан, подобно церберу, сторожил кабинет. Он, как и обещал, отгонял всех любопытных, обеспечивая полковнику условия для работы.

– Саша, организуй, пожалуйста, явку свидетелей ко мне в кабинет к двенадцати, – попросил Гуров. – Ты уже с ними общался, и у тебя это лучше получится. Следователь прокуратуры требует их к себе к двум, но перед этим мне бы хотелось с ними поговорить. Кстати, что выяснилось по поводу «пятерки»?

– Ничего, товарищ полковник, – Веселов беспомощно развел руками. – Номера никто не видел, примет особых у машины тоже нет. Ищут...

– Ладно. Будет информация, дай знать, – вздохнул Гуров. – Кстати, в каком морге Артемов?..

За всю дорогу до морга Татьяна Захаровна задала только один вопрос: «Скажите, моего сына убили?» Это было сказано таким тоном, словно старушка не спрашивала, а констатировала факт. Гуров на секунду замаялся, не найдя что ответить. Он не сказал Артемовой, куда они направляются, и эта пронизательность материнского сердца острыми когтями корябнула его душу.

– Татьяна Захаровна, говорить об этом пока рано, – замаявшись, ответил Гуров на простой вопрос и возненавидел свою ложь. – Найден человек, похожий на вашего сына. Мы хотим удостовериться, что это не он. Вот и все.

Артемова промолчала. Ее и без того бледные губы стали совершенно незаметны на лице, да и сама старушка подобралась и стала еще меньше, если это только было возможным.

В морге Татьяна Захаровна не упала в обморок, не закатила истерику. Она вообще не проронила ни звука, когда из холодильника достали тело ее сына. Постояв несколько секунд у трупа, старушка дотронулась до его лица рукой и произнесла:

– Холодный...

Гуров не выдержал и отвернулся. Требовалось составить протокол опознания, но полковник, не желая мучить мать, предложил ей сделать это позже.

– Нет уж! – пытаясь поймать его взгляд, произнесла старушка. – Давайте закончим с этим сейчас. Раз и навсегда.

В свой кабинет Гуров вернулся в одиннадцать пятьдесят. То настроение, в котором он пребывал, даже удовлетворительным нельзя было назвать. Гуров уже давно не приносил матерям известие о смерти их сыновей. Последний раз это было давным-давно, когда он был еще майором и возглавлял опергруппу.

Тогда такая же старенькая женщина, мать его подчиненного, куталась в шаль, словно могла этим отгородиться от всего мира. Она тоже молчала и терпеливо ждала, пока уйдет начальник, не уберегший ее сына.

Матери ведь все равно, герой ее сын или преступник, когда его труп принесут к ее ногам. Она не воспримет высокопарных слов, не ответит на обвинения. Мать стерпит все и стерпела бы большее, если бы это могло вернуть ей ее сына.

Неожиданно полковник разозлился на себя за свою сентиментальность. Артемова действительно напоминала чем-то мать его погибшего сослуживца, но и разница была между ними большая. В первую очередь в том, каких они вырастили сыновей.

«Все! Хватит распускать нюни! – одернул себя Гуров. – Если так дальше пойдет, то останется только уйти из главка и сесть смотреть «мыльные оперы!»»

Гуров сел в кресло и достал дело об убийстве Калачева. Он уставился в исписанные листы невидящими глазами, погруженный в свое далекое прошлое и не желающий из него возвращаться.

Из раздумий Гурова вырвал телефонный звонок. Звонил Веселов, чтобы сообщить, что свидетели начали приходить. Гуров потер пальцами виски и попросил привести первых через пять минут.

Несмотря на раннее время, свидетелей происшествия набралось не слишком много: две старушки, женщина и молодая парочка, студенты МГУ. Глядя на этот список, Гуров вдруг представил себе место преступления.

Более неудачного выбрать было нельзя. Убить человека почти в центре, едва за Садовым кольцом, было верхом глупости. Рядом располагался гостиничный комплекс «Волга» и довольно престижный в Москве ресторан. Названия его Гуров не помнил, да сейчас оно и не имело значения. Важно было лишь то, что в шесть часов вечера в Докучаевом переулке всегда много народу.

Там вообще было трудно спрятаться. А глупее всего было пытаться перебежать через дорогу, когда следовало уходить дворами в сторону улицы Маши Порываевой. И уж конечно, проще было убить Калачева у него дома, рядом с Леоновским кладбищем, а затем затеряться в Ботаническом саду.

Гуров оборвал свои размышления. В дверь постучали. Вошли двое – юноша и девушка. Судя по данным, записанным в протоколе, обоим было чуть больше восемнадцати лет, но выглядели они едва на шестнадцать. Приветствуя их, Гуров скосил глаза на материалы дела, чтобы уточнить фамилии – Глеб Иорин и Анна Скороходова.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласил их Гуров. – Не буду предлагать чувствовать себя как дома, но и напрягаться особо не нужно. Можете считать это частной беседой.

Глеб покачал головой, словно знал наперед все ходы сыщика, а его подружка мило улыбнулась и прошла к столу. Когда они расселись, Гуров продолжил: – Меня зовут Лев Иванович. Если вам интересно звание, то я – полковник, – Иорин присвистнул и вновь покачал головой. – Меня пока интересуют подробности того, что вы видели. Они, конечно, записаны в протоколе, но давайте попробуем вспомнить все еще раз. Итак...

Гуров нарочно сделал паузу, ожидая, кто из ребят начнет первым. Он почти не сомневался, что это будет девушка. Ее спутник столь очевидно старался показать свое всезнайство, что это выглядело обычной попыткой доказать свое превосходство. На самом деле Гурову было прекрасно видно, насколько скованно себя чувствует Иорин.

– Наверяд ли мы вам расскажем что-нибудь новое, – проговорила девушка, и Гуров внутренне усмехнулся. – Мы как раз остановились у дверей. Думали, куда идти. То ли дворами через сквер, то ли Глухаревым переулком к университетскому Ботаническому саду. Тут этот мужчина и вышел из дверей...

– Ага, – парень утвердительно кивнул головой. «Прямо китайский болванчик!» – подумал Гуров, но перебивать парня не стал. – Я сначала подумал, что он весь кетчупом перемазался. А она меня за руку потянула. Я ей говорю: «Че ты, Анька, делаешь?» А сам смотрю – у него в руке ножик весь в кровище. Я тут ее толкнул и сам щемануться хотел, но мужик через дорогу бросился, а его тачкой сбило.

– Дурак ты, Глеб! – перебила Иорина подруга. – Лев Иванович, не слушайте вы его. Я ему уже сто раз говорила, а он все руками отмахивается. Этот мужчина специально под машину бросился, и водитель не виноват.

– Стоп-стоп! – остановил девушку Гуров. – Почему вы, Аня, решили, что мужчина бросился под машину сам?

– Он, как вышел, сначала остановился, – попыталась аргументировать свои выводы девушка. – Я не на нож смотрела, а на лицо этого мужчины. У него глаза какие-то пустые были, словно он не понимал, что делает. Мужчина по сторонам посмотрел, а потом его лицо изменилось. У моей подружки так изменяется, когда она на зачете вдруг решение задачи находит. Так вот, он «пятерку» сразу увидел и только на нее и смотрел. А когда машина поближе подошла, он прямо под колеса и прыгнул...

Гуров проговорил со студентами еще пять минут, выясняя подробности, а затем отпустил. Он вручил им повестки к следователю и сказал, чтобы и там они непременно рассказали о самоубийстве мужчины. Затем в кабинет вошел следующий свидетель.

К часу дня Гуров закончил опрос свидетелей. Из пяти человек только Иорин не заметил, как Артемов бросился под машину. Каждая из входивших женщин рассказывала происшедшее по-своему, но на том, что преступник шагнул под «пятерку» сам, сошлись все. Кто-то посчитал, что он просто машину не заметил, кто-то думал, что Артемов испугался того, что натворил, но смысла происшедшего это не меняло. Единственным, чего не видел никто, был сам момент убийства.

Картина складывалась такая: Артемов подждал Калачева в подъезде, несколько раз ударил его ножом, а затем бросился под машину. Действительно, оставалось только найти машину и вынести водителю благодарность, как посоветовал Станислав. Вот только мотив преступления по-прежнему был неизвестен.

Для того чтобы вернуть происходящему хоть каплю логики, можно было предположить, что Артемов знал эту машину и ждал ее. Тогда становится понятным, почему он так легко шагнул на мостовую, почему «пятерка» сбила его и куда пропал водитель. Вот только мы предполагаем, а бог – располагает.

Гуров усмехнулся и подумал, что не хватает на старости лет в верующие записаться. Он представил себя в церкви, старательно отбивающего поклоны, и рассмеялся. Неприятный осадок от общения с матерью Артемова проходил, и к полковнику возвращалось боевое настроение.

В первую очередь следовало искать «пятерку». Никто, кроме ее водителя, прояснить ситуацию был не в состоянии. Гуров прекрасно понимал, как малы шансы отыскать машину в Москве, не зная ее номеров. Естественно, что после такого столкновения с Артемовым целой «пятерка» остаться не могла и по характерным повреждениям отыскать ее можно. Вот только шанс невелик, да и времени уйдет много. А если водитель машины был соучастником преступления и имел приказ убрать Артемова после ликвидации Калачева, то все меры по поиску машины превращались просто в мышиную возню. «Пятерка» уже давно могла быть на дне Москвы-реки, или еще ночью ее благополучно восстановили и перекрасили.

Гуров решил не забивать себе голову версией о заказном убийстве. Во-первых, было слишком мало исходных данных, чтобы преподнести ее прокуратуре. Ну а во-вторых, когда это заказные убийства совершались таким способом? Тут, как у Достоевского, только топора и не хватает!

Необходимо было попытаться отследить личные связи между Калачевым и Артемовым. Поразмыслив, Гуров начал все больше склоняться к версии Крячко, высказанной еще утром. Скорее всего Станислав был абсолютно прав, и ничем, кроме банальной бытовухи, в этом деле не пахло. Гуров поднял трубку и набрал номер.

– Петр Николаевич, Гуров беспокоит, – проговорил в трубку полковник, едва Орлов поднял трубку. – У меня к тебе просьба. Ты уж не откажи боевому товарищу.

– Лева, не бери пример с клоуна Крячко, – Гуров услышал, как усмехнулся генерал. – Паясничать у тебя получается не ахти, так что переходи сразу к делу.

– А дело у меня простое, Петр. Ты уж договорись с начальником МУРа, чтобы он мне пару-тройку человек подобрал. Позарез нужны, – Гуров нарочно театральным вздохнул.

– Так уж и позарез? – Орлов на секунду задумался. – Уж не с этим ли новым делом ты вдруг «зарезался»?.. Так возьми да сам и попроси. Он мужик хороший.

– Кому хороший, а кому и от ворот поворот, – ответил Гуров. – Сам же знаешь, какие у меня с ним отношения! Да, пока не забыл. Ты уж попроси, чтобы мне группу Веселова выделили.

– Иначе с живого не слезешь, – скорее утверждая, чем спрашивая, прокомментировал генерал. – Ладно, будет тебе группа Веселова.

Довольный собой, Гуров повесил трубку. Он знал, что генерал не больше его любит что-нибудь просить у начальника МУРа. Как-то не складывались между ними отношения, хотя вроде и одни сани везли. Вот только Орлову отказать начальник не посмеет, хотя полковника он бы точно послал куда-нибудь подальше Колымы.

Договорившись с Орловым, Гуров подумал, что вполне мог бы забрать из охранной фирмы Нестеренко и Котова, но делать этого не стал. И дело было не такое сложное, чтобы парней лишней раз с работы дергать, да и МУРу, раз он на главк дела свои вешать начал, не мешает и людьми поделиться.

Пока Гуров раздумывал, пойти ли на обед в столовую главка или поесть по-человечески в каком-нибудь кафе, в дверь его кабинета постучали. Недоумевая, кто бы это мог быть, полковник разрешил войти. Вопрос об обеде отпал сам собой – так быстро оперативников МУРа Гуров не ждал.

– Разрешите, товарищ полковник? – открыв дверь, спросил Веселов и, увидев утвердительный кивок, пропустил вперед двоих оперативников и вошел сам. – Прибыли в ваше распоряжение.

– Угу, – Гуров откинулся на спинку кресла. – А теперь выйди, приведи себя в порядок, зайди, как положено, и доложи по форме!

Веселов застыл, открыв от удивления рот. Ребята, что вошли вместе с ним, вообще превратились в каменные изваяния. Неизвестно, сколько бы они простояли на месте, если бы Веселов наконец не ухватился за дверную ручку. Гуров рассмеялся.

– Слушай меня внимательно, Саша, и запомни на всю жизнь, – проговорил сквозь смех Гуров, глядя в недоумевающее лицо капитана. – Я могу быть «товарищем полковником» у министра на официальном приеме. Пока мы выполняем одну работу, я – Лев Иванович. И ничего больше. Ясно?

Веселов кивнул, облегченно вздохнул и улыбнулся. Он представил молодых парней, что пришли с ним. Обоим было чуть больше двадцати пяти, и оба были старшими лейтенантами. Голубоглазый – Тяжлов, а черноволосый – Багаев. Гуров поздоровался с обоими за руку и предложил сесть.

Полковник обстоятельно ввел в курс дела своих новых подчиненных и объяснил их задачи. Тяжлов оказался Гурову парнем более сообразительным, и он отправил его на Большую Спасскую и в Докучаев переулок, поспрашивать у жителей, не видел ли кто вишневую «пятерку». Дело было почти безнадежным, но поискать следовало.

Веселов должен был съездить к Артемовой, узнать у нее адрес склада, где работал ее сын, и выяснить, кому этот склад принадлежит. Заодно ему требовалось узнать, какие отношения были у Артемова с работниками склада и начальством.

Багаеву достались автосервисные центры. В его задачу входило выяснить, не обращался ли кто с просьбой восстановить разбитую машину. Тоже сизифов труд, но следователь прокуратуры потребует отчет и по нему. Себе же Гуров оставил визит к вдове Калачева.

Гуров выпроводил оперативников из кабинета и задумался. Если следовать логике, то дело Артемова можно было уже закрывать. Почти все детали преступления были разложены по полочкам. А на этой этажерке для прокурора оставалось только одно место, да и то в самом уголке. Неизвестен лишь водитель «пятерки». Да это и не особо важно, поскольку показания свидетелей говорят о том, что на дороге произошел несчастный случай либо самоубийство.

Теперь любой следователь вправе написать заключение по делу, типа: «В состоянии аффекта, вызванного скорее всего травмой психики после лечения от алкогольной зависимости, Артемов убил Калачева и покончил жизнь самоубийством». Все предельно ясно, даже водителя искать особо усердно не будут.

Нравится это Гурову или не нравится, но дело придется закрывать. Если, конечно, не всплывут какие-то новые факты. Вот о них полковнику и предстояло позаботиться. Он уже собрался уйти, как вновь зазвонил телефон.

«Они что, следят все за мной, что ли?» – недовольно удивился Гуров и снял трубку.

– Лев Иванович, это с каких пор ты ДТП у нас заниматься стал? Или тебя теперь в наше ведомство переводят? – замначальника управления ДПС города Москвы, полковник Волков раскатисто рассмеялся в трубку. Они с Гуровым были знакомы давно и уважали труд друг друга. – Хлеб, значит, у нас отбираешь.

– Да подожди ты тараторить. Сам знаешь, что это не мой курятник, – прервал его шутовские стенания Гуров. – О каких ДТП речь идет?..

– А ты что, наездом в Докучаевом переулке не занимаешься? – Голос Волкова погрузнел. – Значит, опять облажался! Сидит у меня тут «чайник» один все утро. Говорит, что человека в Докучаевом переулке сбил, а я никак не найду, куда его передать. Меня в вашей конторе уже с телефона на телефон загоняли. И ты туда же, друг называется!..

– Да не трюнди ты! – Гуров едва выкроил секунду, чтобы вставить слово. – Когда это я друзей в беде бросал? Отправь его под конвоем ко мне, а тут уже сами разберемся.

– Ну, Иванович! Ну просто груз с плеч снял! – пробасил Волков и тут же понял, что Гуров пустяками не занимается. Раз он расследует ДТП, до дело серьезное. Гурову бы эту уверенность!

– Эй, Лев Иванович, подожди-ка! – запоздало заорал в трубку Волков. – С тебя магарыч...

Но Гуров его уже не слушал. Он положил трубку, обрадовавшись, что это мутное дело с убийством Калачева заканчивается само собой.

Глава 2

Гуров приехал на работу отглаженный, отутюженный и сверкающий лаком новых парадно-выходных ботинок. Черный двубортный итальянский костюм сидел на нем как влитой, а кипельную белизну рубашки подчеркивали вычурные серебряные узоры узкого черного галстука.

Полковник и так приходил на работу всегда подчеркнуто аккуратный и неплохо одетый, но сегодняшней лоск светского льва был от начала до конца затеей Марии. И все началось вчера вечером.

Перед концом рабочего дня Гурова вызвал к себе Орлов. Помня утренние слова начальства о вечернем отчете, полковник захватил со стола папку с делом Артемова и пошел к Орлову. По дороге в кабинет Гуров обдумывал то, как преподнести генералу свои соображения о бредовости убийства в Докучаевом переулке. Но высказать их он не успел.

– Ну я и не сомневался! – проговорил Орлов, осмотрев полковника с головы до ног и хитро прищурился. – Ты у нас и после ночи в засаде будешь выглядеть как кинозвезда. А я и сам уже старый стал и одеваюсь не по-современному, да и галстук мой тебе всегда не нравился, – генерал усмехнулся, вспомнив старую неприязнь Гурова к его манере завязывать галстук. – В общем, ты у нас и пойдешь.

Увидев удивленное лицо Гурова, генерал едва не рассмеялся. Он постарался напустить на себя начальственный вид, но это у него не очень хорошо получилось.

– Пойдешь, пойдешь. Сегодня в министерстве пресс-конференция, и от нашего главка потребовали человека. Мои седины пожалели и разрешили самому не приезжать. – Орлов, не скрывая злорадства, смотрел на полковника. Он прекрасно знал об отношении Гурова к журналистам, но сам их любил не больше. – Да не сверли ты меня своими глазницами. Как ни крути, а кроме тебя мне послать некого. Не отправлю же я к ним Станислава в его дурацкой футболке! К тому же пресс-конференцию на всю страну показывать будут...

Это был приговор. Возражения Гурова никто слушать не собирался. Мало того, стоило ему открыть рот, как Орлов его перебил:

– Значит, как у начальника МУРа людей просить, так на это Петр Николаевич расстайся? А как старого человека уважить, тут желающих нет? Я еще, между прочим, Лева, твой начальник. Так что считай это приказом...

Вот и пришлось Гурову два часа сидеть под светом юпитеров и отвечать на дурацкие вопросы. Одно хорошо, что замминистра явно желал стать телезвездой и сконцентрировал на себе все внимание журналистов. Гурова с его немногословностью очень скоро оставили в покое. И он до конца конференции, говоря театральным языком, просто «отбивал номер».

На беду полковника, Мария была занята только в первом акте и пресс-конференцию смотрела от начала до конца. Она прекрасно знала о «любви» Гурова к подобным мероприятиям и не съязвить просто не могла. Иначе это была бы не Мария Строева.

– Милый! – протяжно проговорила она, едва Гуров переступил порог, и соблазнительно улыбнулась. – Ты на экране такой сексуальный!..

Именно она утром с ехидной улыбочкой заставила Гурова вырядиться, словно на прием к президенту. Для этого Мария специально встала раньше мужа и даже начистила ему ботинки.

– Левушка, ты у нас теперь звезда экрана, так что одевайся подобающе! – проговорила Мария, и Гурову ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Он махнул на все рукой, решив, что отыграется позже...

Гуров выбрался из своего «Пежо» и почему-то недовольно посмотрел на сверкающие ботинки. Идти в душный кабинет не хотелось, и Гуров достал из кармана сигарету и закурил.

Он прислонился к сверкающему боку автомобиля и смотрел на милиционеров, снующих по двору взад-вперед. На него оглядывались, здоровались, но с расспросами не подходили.

Гуров уже собрался идти к себе, когда во двор заехал служебный «рафик». Он остановился около гуровского «Пежо» и исторгнул из своего душевного чрева муровскую опергруппу. Старшим у оперативников был уже немолодой майор Липченко, знакомый Гурова, и полковник подошел поздороваться.

– Здравствуй и ты, Лев Иванович! – тяжело отдуваясь, проговорил майор, вытирая пот со лба. – Люди в Москве от жары с ума все посходили. Вот только что от одного такого приехали.

– Да? И что там? – из вежливости спросил Гуров, совершенно не интересуясь разговором.

– Псих. Кто еще?! – глубоко вдохнув, ответил Липченко. – Накинулся с монтировкой на коммерсанта, а когда водитель на помощь подоспел, то этот псих из окна седьмого этажа выпрыгнул...

– Ну-ка расскажи поподробнее! – Глаза Гурова мгновенно вспыхнули нескрываемым любопытством.

Особо майору рассказывать пока было нечего. В восемь утра некто Сысоев, владелец небольшой авторемонтной мастерской на Кожевнической улице, вышел из своей квартиры на Большой Ордынке. Лифт не работал, и Сысоев пошел вниз пешком. На седьмом этаже на него напал неизвестный с монтировкой в руках и начал избивать.

Этот тип успел нанести четыре удара, прежде чем на крики Сысоева подоспел его водитель. По словам шофера, он увидел мужчину с монтировкой в руке и лежавшего на полу Сысоева. Мужчина его тоже заметил и в ту же секунду выпрыгнул в окно.

– Вот такие пироги, Лев Иванович, – вздохнул Липченко. – Хрен его знает, как все на самом деле было. Сысоев в больнице, без сознания. Нападавший в морге, а водителя пока толком не допросили.

– Допрашивать ты будешь? – спросил Гуров и, увидев утвердительный кивок, попросил: – Не торопись пока с допросом. Дождись меня, будь другом! Я быстро...

Не обращая внимания на недоумение Липченко, Гуров развернулся и бегом бросился в главк. Словно мальчишка, он проскакивал один пролет за другим, едва успевая извиняться за тычки, что раздавал зазевавшимся сотрудникам. В кабинет Орлова Гуров ввалился без доклада. Верочка, секретарь генерала, только проводила его удивленным взглядом – таким Гурова ей еще видеть не приходилось.

– Петр, – проговорил вместо приветствия Гуров, едва закрыв за собой дверь, – майор Липченко сейчас с вызова приехал. Мне нужно, чтобы ты у него дело забрал и мне передал.

– Здравствуйте, я ваша тетя! – оборвал его генерал. – Кто-то только вче-ра жаловался, что у него работы много, а МУР пусть сам со своими делами разбирается...

– Ну, во-первых, я не жаловался, – в свою очередь оборвал начальника Гуров. – А во-вторых, то, чем Липченко сейчас занимается, к убийству Калачева имеет непосредственное отношение.

Орлов откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на полковника. Он, естественно, не мог знать, что за дело было поручено Липченко, но вот Гурова знал давно. Уже не в первый раз настырный сыщик поступал вопреки здравому смыслу и неожиданно для всех добивался исключительных результатов. Орлов поднял телефонную трубку.

– Верочка, принеси нам, пожалуйста, кофе, – проговорил он и посмотрел на Гурова. – Если я тебя вчера правильно понял, то дело Артемова можно закрывать и передавать в прокуратуру. Что у нас сегодня изменилось? Сон вещий приснился?

– Нет, с господом богом по дороге на работу столкнулся! – огрызнулся Гуров и сел напротив генерала. – Я тебе вчера говорил, что слишком гладко все с Артемовым выходит? Часто тебе убийцы попадались, которые жертву поджидали, расправлялись с ней, а затем и сами на

себя руки накладывали? Это только мужик по пьяному делу может жене голову проломить, а протрезвев, и себе веревочку приготовить...

– Лев Иванович, – перебил его Орлов, – ты у нас на старости лет демагогом становишься. Перестань мне параллели проводить и переходи к сути.

– Вот чтобы до сути-то добраться, мне и нужно у Липченко дело забрать, – словно на ребенка, посмотрел на генерала Гуров. – Час назад на Большой Ордынке произошло схожее преступление...

Полковник пересказал Орлову то небольшое, что услышал от майора. Гуров не старался приукрасить факты или, наоборот, скрыть что-то. Он говорил сухим казенным языком, надеясь, что Орлов прекрасно поймет его сомнения.

Общая линия обоих преступлений была очевидна и новичку в деле сыска. Неизменное самоубийство было их завершающим звеном, но и профессионализм исполнения покушений был одного уровня. То есть нулевого. Наверняка если покопаться, то найдутся и другие совпадения.

Орлов слушал Гурова не перебивая. На его лице, сменяя друг друга, проскальзывали скептицизм, недоумение, задумчивость и, наконец, откровенная ирония. Генерал глотнул из чашечки едва теплый кофе и вздохнул.

– Лева, конечно, все, что ты рассказал, интересно, – наконец проговорил он. – Но, мне кажется, разбираться с этим нужно не сыщику, а психиатру. Кстати, могу порекомендовать. В Москве черт знает сколько случаев суицида в год происходит, и что? Попытаться и в них контекст совпадений поискать? Или каждое сведение счетов за уши подтягивать к другому? Эдак можно и до писания диссертаций докатиться. Ладно, ладно! – добавил Орлов, заметив, что Гуров порывается что-то сказать. – Знаю я, что ты парень настырный. И уж если вобьешь себе что в голову, это оттуда и топором не вытесать. Что тебе от меня-то нужно?

– Петр Николаевич, – ирония начальника задела Гурова. – Я прошу вас передать мне из МУРа дело о покушении на убийство коммерсанта Сысоева. Если необходимо, могу изложить свою просьбу в письменном виде.

– Эвон как заговорил, – хмыкнул генерал. – Лева, брось обижаться. Послушай старшего товарища – ерундой ты голову себе забиваешь. Мог бы себе хобби и получше придумать...

Орлов посмотрел на застывшего Гурова и тяжело вздохнул.

– Что с тобой делать? – Такая постановка вопроса заставила даже Гурова, старательно разыгрывающего оскорбленное самолюбие, улыбнуться. – Скажешь Станиславу, что я тебе дал три дня на твои фантазии. Пусть он один, как пчелка, пашет, пока ты дурью маешься. Только не жалуйся потом, что Крячко над тобой издевается! Кстати, группу Веселова пока можешь у себя оставить. А теперь иди с моих глаз долой!

– Слушаюсь, господин генерал-лейтенант, – нарочито официально ответил Гуров и поднялся со стула.

– Мог бы и спасибо старику сказать, – пробурчал себе под нос Орлов, глядя в спину уходившему полковнику. Тот обернулся в дверях.

– Благодарствую, ваше высокопревосходительство! – рявкнул Гуров и поклонился в пояс, распрямился и щелкнул каблуками.

– Совсем мужик дуреет, – вздохнул Орлов. – Может, тебя в санаторий отправить? С пенсионерами в шашки играть?..

Но Гуров его уже не слышал. Он равно не сомневался как в том, что генерал не воспримет его предположения всерьез, так и в конечном итоге переговоров. Собственно, Гуров и сам не до конца понимал, почему он так к этим двум инцидентам прицепился. Грызло что-то внутри, и все!

Полковник галантно поклонился Верочке и вышел из приемной. Первым делом следовало опросить свидетелей происшедшего на Большой Ордынке, а уж затем заняться анализом

данных. Вниз Гуров спускаться не стал. Он позвонил из своего кабинета Липченко и попросил того переслать всех людей.

– Ты уж извини, что дело у тебя из-под носа выхватил. Они у меня тут по другому проходят, – попытался оправдаться Гуров, но этого и не требовалось.

– Бог с тобой, Лев Иванович! – Липченко обрадованно засопел в трубку. – Мне-то проще. В такую жару бумажек поменьше писать придется...

На этом и расстались. Гуров позвонил Веселову и пригласил его к себе. Сияющий, словно медный пятак, капитан вошел в кабинет через пару минут. Веселову импонировала работа с таким известным сыщиком. Саша еще в детстве увлекался детективами и до самозабвения зачитывался Конан Дойлом. Он невольно сравнивал Гурова с всемирно известным персонажем великого писателя и находил немало общего. Вот бы посмеялся Гуров, если бы об этом узнал.

– Саша, – попросил его полковник, – лети в архив и востребуй все убийства по Москве за последние полгода, совершенные с нанесением множественных телесных повреждений. Знаю, что их будет немало, но уж ты расстарайся. Думаю, как девочек уговорить, тебя учить не надо?

– Сделаю, Лев Иванович, – ответил Веселов и, чуть помявшись, спросил: – А что мы ищем?

– Если бы я знал, Саша. Если бы я знал, – Гуров вздохнул и уткнулся носом в дело Сысоева, что принесли от майора за минуту до появления Веселова.

Собственно, ничего нового, что могло бы пригодиться при опросе свидетелей, в материале не было. Те же факты, плюс описание расположения тела самоубийцы, кое-какие фотографии, отпечатки пальцев с монтировки да предварительное заключение врача о полученных Сысоевым травмах.

У коммерсанта оказались сломаны несколько ребер, рука и повреждено основание черепа. Если были правильны предварительные выводы доктора, то ничего смертельного в травмах Сысоева не было. Жить он будет, правда, со скаканьем по лестнице ему придется несколько повременить.

«Интересно, зачем водитель Сысоева поднимался наверх, на седьмой этаж?» – подумал Гуров, и в это время открылась дверь.

В кабинет заглянул сержант из дежурки и доложил, что привел свидетелей. Полковник уже собрался пригласить первого, но в дверь ввалился Крячко. Он был в своих повседневных джинсах, «найковских» кроссовках и аляповатой бело-синей майке. Увидев раздетого Гурова, Станислав театрально застыл в дверях.

– Разрешите войти, товарищ полковник? – гаркнул он с порога и закрыл за собой дверь. Крячко сделал картинный жест рукой, обводя помещение, и заговорил елейным голоском: – Уважаемые господа, посмотрите нашу звезду экрана на рабочем месте. Вот такие они, трудолюбивые работники российского сыска! Строгие, элегантные и преданные делу...

– Хватит паясничать, болтун, – с усмешкой оборвал его Гуров. – Говори, зачем пришел, да проваливай. Меня люди ждут.

– Вот вам, товарищи, и результат! – не успокоился Крячко, обращаясь к невидимой аудитории. – Стоило человека один раз по телевизору показать, и он себя Брюсом Уиллисом возомнил. Товарищ полковник, я как-никак у вас в подчинении. Соизвольте распоряжения на сегодняшний день сделать.

– Кончай, Стас, – на этот раз Гуров не улыбнулся. – Это уже становится не смешно.

Крячко вздохнул и уселся на стул напротив Гурова. Он достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. Гуров не шелохнулся, ожидая продолжения.

– Ладно, Лева, – Станислав выпустил дым в потолок. – Меня уже и без тебя нашлось кому в известность поставить о твоём новом увлечении. Рассказывай теперь, что за элитный клан убийц ты откопал. Поделись со старым другом.

– Ой, что-то много вас, старых друзей, вдруг отыскалось, – проворчал полковник и добавил: – А если серьезно, Стас, ничего я не откопал. Разве что одни предположения.

– Лева, ты же сам мне часто говоришь, что лгать грешно, – Крячко подозрительно посмотрел на Гурова...

После пяти минут безрезультатных препирательств Крячко обиделся. Он считал, что такой ерундой, как эти неумные покушения, Гуров заниматься никогда бы не стал. Станиславу казалось, что полковник придумал себе это расследование в качестве ширмы, а сам тайком раскапывает золотую жилу. Он не хотел верить никаким объяснениям Гурова и в конце концов плюнул.

– Ладно, конспиратор! – проговорил Крячко уже в дверях. – Мудри сколько хочешь, дело твое, – и ушел, хлопнув дверью.

Перед тем как начать опрос свидетелей, Гуров вызвал Тяжлова и Багаева. Как это глупо ни звучит, но в кармане брюк человека, напавшего на Сысоева, уже в морге обнаружили удостоверение работника трамвайного депо ь 6 на имя Гришина Василия Андреевича.

Этот факт был не менее удивителен, чем его самоубийство после неудавшегося покушения. Гурову еще не доводилось видеть преступника, идущего «на дело» с документами в кармане. Если, конечно, убийство было не преднамеренным. Вот только не прогуливался же Гришин по лестнице с монтировкой в руке?

В отчете Липченко был и еще один интересный факт. Медику пришлось взбираться на седьмой этаж пешком и таким же образом спускаться вниз Сысоева, поскольку лифт в здании не работал. Не бог весть какое небывалое событие, но Гуров решил проверить и это.

Он послал Тяжлова в дом на Большой Ордынке, узнать причину поломки лифта, а заодно побеседовать с соседями. Может, кто-то вспомнит интересный факт. Разговор с женой Сысоева тоже выпал на его долю. Багаеву же достался визит в депо и выяснение всего, что касалось личности Гришина. Домашний адрес, привычки, манера общения с людьми и тому подобное.

Растасовав таким образом всю группу Веселова, Гуров приступил к опросу свидетелей. В этот раз их оказалось гораздо больше, чем при убийстве Калачева, хотя большинство людей видели только падение Гришина из окна. Поблизости от места преступления оказались только водитель да старичок-ветеран с девятого этажа.

Вот со старичка Гуров и решил начать.

Опрос свидетелей затянулся до второй половины дня, и к его окончанию Гуров изрядно утомился. Выматывала не сама процедура дознания, а бесконечные сетования старушек и немолодых женщин на хулиганство на улице, бездействие милиции и воровство властей. Пожалуй, только лишь один ветеран отвечал на вопросы четко и по существу, словно рапортуя боевому командиру.

Когда последний свидетель покинул кабинет, Гуров облегченно вздохнул и оценил плоды совместного труда. Картина получилась довольно ясная. Впрочем, она мало отличалась от убийства Калачева.

Счастлиное появление водителя Сысоева на седьмом этаже объяснилось просто. Дело в том, что он каждое утро покупал на углу Зацепы и Большого Строченовского переулка свежее молоко и привозил его Сысоеву на завтрак. Только после этого водитель с коммерсантом ехали на Кожевническую в мастерскую.

Сегодня утром обнаружилось, что кто-то проколол передние колеса сысоевской машины. Водителю пришлось спешно бортировать их, поскольку запаска в багажнике была только одна. С помощью соседа он справился с этим за полчаса, но к Сысоеву все равно опоздал. Вот и бежал бегом на восьмой этаж, в квартиру к хозяину, чтобы побыстрей доставить молоко.

На некоторое время у Гурова возникла версия причастности водителя к покушению на Сысоева. Вполне могло случиться так, что водитель вместе с Гришиным пытались прикончить одного, но помешал ветеран, спускавшийся с десятого этажа. Тогда-то водитель и мог помочь

Гришину выпрыгнуть с седьмого этажа. Эта версия выглядела бредовой, но сразу отбрасывать ее Гуров не хотел.

Приехавший к концу допроса Тяжлов дорисовал картину, расставив все точки над «i». Из разговора с женой оперативник узнал, что из-за опоздания водителя Сысоев нервничал и решил отправиться на работу на такси. Она просила мужа подождать еще десять минут, но Сысоев ее не послушался.

Тяжлову удалось отыскать и свидетельницу самого покушения. Ею оказалась девятилетняя девчонка, что как раз в это время собиралась в школу. Она услышала какой-то грохот на лестнице и выглянула за дверь из любопытства. Девочка увидела, как Гришин бьет Сысоева, и захлопнула дверь. Естественно, что после этого ребенка в школу не пустили.

Версия о причастности водителя отпала сама собой. Тем более что и ветеран сказал, что расслышал, как на крики кто-то бежал снизу. Пока смелый старичок спускался по лестнице, все уже закончилось, и он застал водителя около неподвижного Сысоева да разбитое окно. Собственно, это домыслы ветерана о том, что водитель помог Гришину выпрыгнуть, и были причиной возникновения у Гурова такой версии.

Еще одним достижением Тяжлова был нож. Оперативник нашел его около электромотора в будке лифта после того, как узнал о причинах его поломки. Как оказалось, кто-то взломал замок на будке и обрезком трубы застопорил подъемный механизм. Мотор лифта от этого сгорел, и от Тяжлова потребовали взыскать его стоимость с «диверсанта».

Гуров не сомневался, что взыскивать будет не с кого. Тяжлов привез с собой обрезок трубы и сломанный нож и отдал их на экспертизу. Полковнику было ясно как дважды два, что на обоих предметах найдут отпечатки пальцев Гришина. К тому же Гуров не сомневался, что именно этим ножом были проколоты колеса сысоевской машины.

Преднамеренность покушения на убийство была очевидна. К тому же при такой его подготовке не могла идти речь о сведении счетов. Да и какие счета могут быть у слесаря трамвайного депо и владельца автомастерской? Конечно, исключать этот вариант с лета было глупо, поэтому Гуров выкинул его из головы до возвращения Багаева.

Круг замыкался, как и в случае с Артемовым. Причем покушение совершено без видимых причин. Хотя и подготовлено было лучше. Убийца скрыться и не пытался. При первой же угрозе задержания он покончил жизнь самоубийством. На этом все и заканчивалось.

Гуров вспомнил слова Крячко об элитном клане убийц и усмехнулся. Действительно, где-то в Китае существовал такой клан. Его члены были в высшей степени профессиональны и выполняли заказы безукоризненно. В случаях редких провалов они никогда не давались в руки правосудия живыми, мгновенно убивая себя. Глупо было проводить параллели. Ни Артемов, ни Гришин профессионализма не проявили. Да и какой у нас в России может быть клан? Наши киллеры были или «быки» из подворотни, или подготовленные еще в органах ГБ одиночки. Причем ни у одного из тех, кого вычисляла милиция, и мысли не возникало о том, чтобы тихо уйти из жизни, не принося больше вреда окружающим. Они скорее стали бы палить из ствола во все стороны с криком: «Подходите, суки! Все равно живым не дам!»

И все же уверенность в том, что оба преступления связаны одним и тем же контекстом, крепла у Гурова с каждой минутой. Если среди данных, что собирает Веселов, удастся найти еще прецеденты, то полковник может праздновать победу и над скептиком Крячко, и над ворчуном Орловым.

Капитан выбрался из архива к двум часам. Он не стал стенать по поводу того, какую работу пришлось проделать. Гуров и сам заметил усталость в его глазах. Он отправил обедать Веселова с Тяжловым, а сам забрал у капитана дискету с информацией и пошел в приемную генерала.

Своего компьютера у Гурова не было. Он не хотел ходить по этажам и побираться, поэтому и решил воспользоваться машиной секретаря. Усевшись рядом с мягкосердечной

Верочкой, напускавшей на себя строгий вид, чтобы соответствовать перед посторонними посетителями занимаемой должности, Гуров углубился в работу.

Информации оказалось действительно недостаточно. Сыщик поглощал кофе чашку за чашкой. Он настолько увлекся анализом, что даже не обращал внимания и на самого Орлова. Генерал дважды выходил из своего кабинета, качал головой, глядя на Гурова, и возвращался обратно.

К четырем часам нужный прецедент был найден. Он был только один в хаотическом нагромождении убийств на почве ревности, хулиганских нападений и прочей ерунды, но и этого Гурову хватило.

Три месяца назад несколькими ножевыми ранениями был убит банковский служащий. Этих ран вполне хватило для остановки сердца, но убийца не поленился и отрезал клерку голову. Свидетелей не было, и убийство осталось бы нераскрытым, если бы не счастливая случайность: парочка влюбленных, забравшихся в самый угол Ботанического сада, наткнулась на повешенного.

Чтобы опознать самоубийцу, какой-то оперативник предложил снять с него отпечатки пальцев, и оказалось, что именно эти пальчики были на ноже, брошенном рядом с трупом банковского клерка. То, что преступник покончил жизнь самоубийством, сомнения не вызывало. Следователь посчитал, что убийца сделал это в приступе раскаяния, и дело закрыли. Гуров решил забрать и этот случай в свою коллекцию.

Вернувшись в свой кабинет, Гуров застал там всю честную компанию во главе с полковником Крячко. Станислав как ни в чем не бывало восседал в гуровском кресле и слушал доклад Багаева.

– Ты уж извини, Лев Иванович, что я тут с твоими ребятами без тебя побеседовал, но картинка интересная вырисовывается. – Крячко поднялся, уступая Гурову место. – Боюсь только, что нам генерал ее даже в сортире прикрепить не позволит!

– Помолчи, остряк-самоучка, – предвидя новую волну ерничания, проговорил Гуров. – Сядь лучше в сторонке да послушай еще раз.

– Сяду на пенек, съем пирожок! – съязвил Станислав, но после этого затих и стал слушать.

Багаев выяснил достаточно, но ничего примечательного в собранных фактах не было. Родился, учился, женился и тому подобное. Сейчас живет с сожительницей, а двое детей от первого брака находятся в Ярославле вместе со своей матерью.

Единственным ярким фактом биографии Гришина был его беспросветный алкоголизм (тут Гуров насторожился). Первый раз Гришина пытались лечить еще при Михаиле Сергеевиче, отправив в ЛТП. Попытка успехом не увенчалась, и второй раз слесарь депо лечился сам. Он кодировался на год, пытаясь вернуть семью. Но после окончания срока кодирования на радостях запил и из запоя после этого выбирался редко.

Единственной причиной, по которой его держали на работе, были «золотые руки». В любое время и в любом состоянии Гришин был способен починить что угодно. От работы он никогда не отлынивал, и сердобольная председатель профкома устроила сбор средств на третье лечение Гришина. Нужную сумму собрали, и вчера абсолютно трезвый слесарь первый раз после лечения вышел на работу.

– Хорошая у тебя компания подобралась, Лев Иванович! – восхитился Крячко из своего угла. – Что ни убийца, так «синяк».

Гуров покосился на Станислава, но говорить ничего не стал. Действительно, ситуация складывалась глупо. Искал Гуров общее между двумя покушениями и нашел – оба преступника были алкоголиками. Очень ценный факт! Гуров поднял телефонную трубку и связался с архивом.

– Девочки, полковник Гуров беспокоит, – проговорил он, покосившись на Крячко. – Посмотрите, пожалуйста, дело трехмесячной давности по убийству клерка. Узнайте, не был ли преступник алкоголиком, и позвоните мне.

– Еще одного себе подобрал! – прокомментировал Крячко, едва Гуров положил трубку. – Слушай, может, перестанешь темнить и объяснишь нам, что происходит?

Гуров откинулся на спинку кресла и задумался. Крячко был абсолютно прав, требуя объяснений. Он-то знал из рассказа Орлова хоть что-то, а вот ребята из группы Веселова работали с закрытыми глазами. Хотелось этого или нет, но избежать объяснений не удастся.

– Ладно. Еще десять тысяч ведер – и золотой ключик у нас в кармане! – проговорил Гуров после затянувшегося молчания. – Сейчас мы имеем три покушения на убийство со странными обстоятельствами. На самом деле их может быть больше, но известны лишь те, где личность преступника была установлена.

Все три случая объединяет несколько общих черт. Во-первых, каждое покушение было совершено дилетантом, ранее к уголовной ответственности не привлекавшимся. Во-вторых, во всех этих покушениях отсутствует мотив. Ну, и в-третьих, каждый раз преступник после выполнения задуманного заканчивал жизнь самоубийством.

Зазвонил телефон, и Гуров прервал свои рассуждения. Глядя в лицо старого друга, Крячко окончил за него:

– А в-четвертых, все трое были конченные алкоголики...

Гуров положил трубку и утвердительно кивнул. Он подумал о том, что когда совпадений бывает больше двух, то это уже становится закономерностью. Здесь налицо было четыре, но никаких закономерностей, кроме повального сумасшествия, выявить не получалось.

– Лечат их, лечат, а толку никакого, – почему-то горестно произнес в тишине Тяжлов.

– Лечат? – переспросил Гуров и, поймав на себе четыре удивленных взгляда, прорычал: – Куда отправляли лечиться Гришина?

– В клинику, – не понимая, что происходит, ответил ему Багаев.

– Ясно, что не в роддом! – рявкнул Гуров. – В какую?

– Да я не записал, – замялся Багаев. – Думал, что не нужно. Знаю только, что это где-то в Хамовниках.

Первым желанием Гурова было отmaterить оперативника. Такое игнорирование фактов можно простить сопливному стажеру, но не старшему лейтенанту. Впрочем, полковник быстро взял себя в руки. Не стоило отчитывать сотрудника, если сам ему ставишь задачу: «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что».

– Несвижский переулок, дом 6? – на всякий случай спросил Гуров.

– Точно, Лев Иванович! – радостно завопил Багаев после секундной заминки. – Клиника доктора Запашного. Так она и сказала.

Гуров схватил трубку и вновь набрал номер архива. Девушка мгновенно нашла нужный полковнику файл и подтвердила его догадку – убийца клерка проходил лечение в той же самой клинике.

– Ну и что это дало? – после некоторой паузы спросил Крячко. – Можно еще проверить, не ходили ли они в детском саду на один горшок.

– Ну, например, то, что методы лечения Запашного отрицательно сказываются на психике пациентов. За такое и посадить можно! – влез в разговор Веселов и сам испугался своей дерзости. Он посмотрел на Крячко и пробормотал: – Ой, извините, товарищ полковник!..

– Ничего, ничего, он стерпит, – Гуров посмотрел на Крячко, ехидно улыбаясь. – Сам старших перебивать любит.

– А это, между прочим, некорректно, Лев Иванович, – обиделся Станислав. – Я твои привычки в присутствии младших по званию не обсуждаю.

– Зато другого много чего позволить себе можешь, – жестко оборвал Крячко Гуров. – Лучше бы думал о том, что можно предпринять.

Личная обида Станислава, как всегда, только подхлестнула. Несколько секунд он смотрел на Гурова из своего угла, словно наказанный ребенок на строгого родителя, а затем проворчал:

– Думать тут нечего. Внедрять туда своего человека нужно!

– Дельное предложение, – подыграл самолюбию друга Гуров. – Вот только кого?..

– Ну я могу, – откликнулся Тяжлов. – У меня отец спился, так я прекрасно знаю, как они себя ведут.

– Брось ерунду-то морозить! – осадил своего подчиненного Веселов. – Запашный на алкоголика собаку съел. К тому же анализы еще существуют. Это же сколько тебя поить придется, чтобы ты на его клиента стал похож? Тут и пяти зарплат не хватит!

Все рассмеялись, глядя на смущенную физиономию Тяжлова. Реплика Веселова обстановку разрядила, но проблему не сняла. Клинику Запашного проверить следовало. Хотя бы потому, что это сейчас было единственной версией объяснения странных совпадений. Но сделать это не представлялось возможным. Веселов был прав. Если доктор хоть как-то замешан в убийствах, то агента милиции он раскусит в два счета.

Гуров решил, что утро вечера мудренее, и отпустил всех домой. Крячко попытался было набиться в гости, но Гуров его попытки проигнорировал. Нужно было многое обдумать, а размышлять полковник предпочитал в одиночестве.

Решив сегодня забрать из театра Марию, Гуров свернул к театру. До конца спектакля еще оставалось время, и он припарковал машину у служебного входа, решив посидеть в тишине.

Мария Строева была одной из самых популярных в Москве театральных актрис, и после спектакля у выхода всегда собиралась немалая толпа поклонников ее таланта. Гуров принимал это почитание своей жены как неизбежный атрибут профессии и относился к нему спокойно, старательно подавляя в себе редкие уколы ревности.

Однако сегодня проблема почитателей перед Гуровым не встала. Машину полковника в кругах театралов знали все, причем не хуже, чем его жену. И сегодня, завидев «Пежо» у служебного входа, поклонники Строевой разочарованно поворачивали назад. Только парочка самых фанатичных дождалась ее выхода из театра.

В первую секунду приветливое выражение на лице Марии сменилось удивлением. Она никак не ожидала увидеть на крыльце только двоих, хотя и с цветами. Затем ее глаза нашли «Пежо» мужа, и она, тяжело вздохнув, направилась к нему.

Гуров появления жены даже не заметил. Он сидел, погруженный в свои мысли, и лишь звук открываемой дверцы вернул его к реальности.

– Ты, Отелло цербероподобный, опять мне всех поклонников распугал своей дурацкой машиной! – весело проговорила Мария, усаживаясь на сиденье. – Чем я тебя теперь кормить буду?

– Привет, милая, – рассеянно отреагировал на ее появление Гуров и завел мотор.

Несколько секунд Мария удивленно смотрела на мужа, а затем хлопнула ладошкой по передней панели.

– Нет, ну до чего вы, менты, все нудные! – проговорила она, не отрывая от Гурова взгляда. – Гуров, ты вообще заметил, что я села в машину? И что я только в тебе нашла?

– Не скажу, – улыбнулся Гуров, окончательно возвращаясь к реалиям жизни. – А то ты еще задумаешься, есть ли это у меня.

– Вот только это у тебя и есть! – двусмысленно констатировала Мария. – Рассказывай, звезда телеэкрана, что тебя сегодня гнетет?

Раньше Гуров никогда не делился с близкими людьми тонкостями своей работы, но с Марией общаться было легко. Ее быстрый ум и нестандартное видение ситуаций не раз помогали Гурову находить выход из положения, казавшегося безнадежным.

Он рассказал жене все, что узнал сегодня сам. Более того, Гуров не скрыл от нее ни своих размышлений, ни сомнительных выводов. Он исповедовался перед ней, словно грешник у алтаря, и не чувствовал никакого дискомфорта.

Мария умела слушать. Она почти не перебивала Гурова, лишь изредка задавая наводящие вопросы. К тому моменту, когда супруги пришли домой, решение проблемы с внедрением человека в клинику Западного плавало почти на поверхности. Вот только Гуров никак не мог его ухватить.

– Господи, проблему надумал, – с абсолютной уверенностью в своей правоте произнесла Мария, едва Гуров закончил свой рассказ. Она сбросила с ног узкие лодочки и блаженно пошевелила ступнями. – Мало из милиции людей за пьянку выгнали? Свяжись с кем-нибудь из них да пообещай вознаграждение, если он поможет. А с твоим генералом я об этом сама поговорю. Найдут денег, не разорятся!..

– Нет, милая, не тот контингент. Да они уже и навыки свои давно утеряли, – задумчиво проговорил Гуров и вдруг весело рассмеялся. – Умница ты моя! – нежно воскликнул полковник и, как мальчишка, подхватил жену на руки, закружив ее по комнате. – Как же я сам до этого не додумался?..

А решение действительно было на поверхности.

Глава 3

Вчера, после разговора с Марией, Гуров подумал о Викторе Терентьеве и сегодня окончательно понял, что не ошибся в своем выборе.

Когда-то давно, словно в прошлой жизни, они с Виктором несколько раз работали вместе. Терентьев тогда был старшим лейтенантом, а сам Гуров – майором. Терентьева прикомандировывали оперативником в группе Гурова по мере необходимости. Причем специализировался Виктор на захватах преступников. Что и немудрено.

Виктор был гигантом почти двухметрового роста и весом больше шести пудов. Мастер спорта по вольной борьбе, Терентьев скручивал кого угодно в считанные секунды. Единственным его минусом, пожалуй, было очень медленное мышление, но исполнителем Терентьев всегда был отличным. Он просто великолепно проявил себя при задержании психопата Петренко.

Терентьев дослужился до капитана, когда в стране поднялась шумиха по поводу милицейских штатов. В органах последовали сокращения, вызванные этой волной лжедемократии, и Виктора списали за ненадобностью. Он даже не пытался сопротивляться. Терентьев умел проигрывать.

Вот только после этого жизнь Виктора круто покатила вниз. Он попробовал устроиться охранником в частную фирму, но быть «шестеркой» оказалось непосильным для его самолюбия. Да и не мог этот простой мент закрывать глаза на беспредел. Не той Виктор был закалки.

Из фирмы он уволился. Перебивался то грузчиком, то сторожем, то бог весть кем, пока не понял, что не может сводить концы с концами. Терентьев запил и, как следствие, остался в одиночестве. Молодая жена Виктора не смогла видеть этого жалующегося на судьбу гиганта, вечно ноющего и пьяного. Недавно она его бросила. Но именно это вдруг влило в Виктора новые силы. Терентьев бросил пить.

Эту неожиданную перемену в поведении отставного капитана и вспомнил Гуров, когда пытался найти решение проблемы с внедрением в клинику. Полковник понимал не хуже своих друзей, насколько бредовыми выглядят его предположения. Вот только жизнь научила его тому, что ничего нельзя отвергать, не проверив.

Клиника Запашного была пока единственным связующим звеном между тремя странными убийствами. Именно в ней лечились от алкоголизма преступники во всех рассматриваемых случаях. Причем самоубийца из Ботанического сада и Артемов совершили свои преступления на следующий день после выписки, а Гришин – через день.

Столько совпадений в трех совершенно не связанных на первый взгляд делах не могли быть случайностью. Это с одной стороны. А вот с другой – найти этим совпадениям разумное объяснение было задачей не из легких.

Гуров понимал, что оно должно быть. Как объяснимо практически все на этом белом свете, исключая только божественные откровения. Вот только и в бога Гуров не верил. Он верил в свои силы, свой разум и свой нюх сыщика.

Именно это чутье и позволило Гурову провести параллели между убийством в Докучаевом переулке и покушением на Большой Ордынке. Этот же нюх сыщика и помог ему отыскать клинику Запашного как отправную точку в своем расследовании. Впрочем, тут-то как раз не только нюх, но и титанический труд его самого и группы оперативников. Неясным было пока только одно – принесет ли эта работа свои плоды, или прав был Станислав, когда сказал: «Генерал нам и в сортире эту картинку прикрепить не позволит!»

Сделать из расследования настоящую картинку и должен помочь Терентьев. Полковник недавно случайно встретился с ним в магазине. Он поразился перемене, происшедшей с Виктором.

Что сближало Гурова и отставного капитана во время их недолгой совместной работы, так это фанатичная преданность делу. Виктор видел в каждом преступнике личного врага и готов был нести службу круглосуточно. Именно поэтому и переживал так тяжело свое увольнение из милиции. Он не умел пресмыкаться перед начальством, не умел просить и любой приказ руководства считал законом.

Гуров знал это и был в курсе того, как тяжело складывается у Терентьева судьба. Именно поэтому он так обрадовался, увидев Виктора, возвращающегося к нормальной жизни. Видимо, спортивная закалка и желание побеждать стали брать верх над слабостью Терентьева. Вот только надолго ли?

Гуров прекрасно знал, как часто опустившиеся люди, получившие новый сокрушительный удар от жизни, на некоторое время обретают новые силы. У них появляется желание переломить проклятую судьбу и вновь стать человеком. Но не у многих хватает запала.

Достаточно встретить новую преграду, и человек ломается окончательно. Тогда его уже ничто не удержит от падения на самое дно жизни. Гуров еще тогда подумал, что нужно как-то помочь Виктору устоять на ногах. Но он забыл об этом среди массы других неотложных дел. Теперь настала пора восполнить это упущение.

Проснувшаяся в отставном капитане сила воли была той важной черточкой, что отличала его от тех, кого Гуров думал послать в клинику. Полковник был уверен, что разыграть алкоголика здоровому человеку не удастся. Запашный не может быть профаном в своем деле, раз о его клинике идет такая громкая слава.

Другое дело, что и прийти с обыском в его клинику было нельзя. Дескать: «Здравствуйте, господин Запашный. Мы тут кое-что надумали, так что давайте мы у вас поищем, может, и найдем чего!»

Да и что было в этой проклятой клинике искать?! Никаких прямых улик, никаких доказательств. Да что там говорить, даже и обвинения никакого у полковника не было. Только одни догадки и предположения. Причем настолько размытые и фантастичные, что даже лучшие друзья – Крячко и Орлов – открыто насмеялись над его предположениями.

Собственно, и предположений не было. Одни предчувствия, основанные на шатких фактах. И все же от этих фактов уйти было невозможно. Что бы ни говорил Орлов, над чем бы ни ерничал Крячко, но три покушения на убийство существовали. Три преступления, закончившиеся суицидом исполнителей.

Гуров не верил ни в бога, ни в дьявола, ни в случайные совпадения. Перефразируя известную фразу, он мог бы сказать: «Если совпадение произошло, значит, это кому-то было нужно!» Вот этого «кого-то» и собирался отыскать старший оперуполномоченный по особо важным делам. И в этом ему должен был помочь Терентьев.

Для этого нужно было всего два «пустячка» – уговорить Терентьева помочь бывшим товарищам да убедить Орлова в необходимости этой помощи. Потому что без генерала выполнить задуманное не получится. Гуров приготовился к бою.

Сражение началось быстрее, чем предполагал полковник. Едва он подошел к двери своего кабинета, как понял, что там кто-то есть. Ни на кого, кроме Крячко, это вторжение Гуров повесить не мог, но на этот раз ошибся. В кабинете старшего оперуполномоченного восседал на жестком стуле господин Горшков. Собственной персоной.

Гуров успел скрыть свое удивление. Он изобразил на лице гаденькую подхалимскую улыбку. Вот бы порадовалась Мария, увидев, что ее уроки актерского мастерства не проходят даром. У прямолинейного Гурова прямо талант лицедейства какой-то проснулся.

– Анатолий Алексеевич! – радостно завопил полковник, расставив в стороны руки, словно пытаясь обнять нежданного гостя. – Рад вас видеть. Как супруга, как собака?

– Спасибо, хорошо, – удивленный такой реакцией, Горшков не нашел что еще сказать. – Только у меня собаки нет.

– Ах, досада какая! Как же я так? На ровном месте и мордой об асфальт, – голосом, полным сострадания, вещал Гуров. Он совершенно не обратил внимания на растерянность следователя. – А вы заведите. Помогает, знаете ли.

Уточнять, от чего помогает присутствие собаки, Гуров не стал. Он стремительно прошел через кабинет к своему столу и взял трубку телефона.

– Верочка, у меня тут гость дорогой сидит. Ты уж, пожалуйста, организуй нам кофе, – проговорил в трубку полковник и обернулся к Горшкову. – И не возражайте, господин следователь. У нас, даже если гость самовольно в кабинет вламывается, кофе ему все равно предлагают. Традиция, знаете ли...

Только теперь Горшков начал понимать, что полковник попросту издевается над ним. От этой мысли он едва не поперхнулся, но быстро взял себя в руки.

– Я здесь нахожусь с разрешения генерал-лейтенанта Орлова, – проговорил он ледяным тоном. – После его распоряжения дежурный открыл мне дверь. К тому же вы, господин полковник, опоздали на работу.

– А у меня, товарищ следователь, ненормированный рабочий день, – Гуров сделал ударение на слове «товарищ», зная, как такое обращение неприятно следователю. – Так с чем вы пришли, Анатолий Алексеевич?

Горшков несколько секунд не сводил глаз с Гурова, словно пытаясь определить, что еще преподнесет ему общение со строптивым полковником. Гуров этот взгляд выдержал. Даже более того, преуспел. Горшков отвел глаза в сторону.

– Лев Иванович, вам, должно быть, известно, что следствие по делу Артемова закрыто? – задал риторический вопрос следователь. Ответа он не дождался, поэтому продолжил: – У меня имеется информация о том, что вы продолжаете расследование. Это является должностным преступлением и называется: злоупотребление служебным положением в личных целях.

Горшков сделал паузу, ожидая от Гурова каких-то реплик или пояснений. Если бы он знал полковника получше, то не стал бы на это рассчитывать. Последующие слова следователя лишь подтвердили этот факт.

– Вы не хуже меня знаете, чем вам это может грозить. Самое меньшее – выговором с занесением в личное дело, – проговорил следователь, недовольный реакцией Гурова. – Если вы имеете какие-либо конкретные факты для продолжения расследования, то должны доложить их мне как старшему группы. Если же у вас ничего не имеется, то я буду вынужден доложить руководству о вашем своеволии.

«А, вот это что-то новенькое. Первый раз слышу, чтобы прокуратура среди оперативников осведомителей имела. Бардак!» – подумал Гуров, но вслух сказал другое:

– Анатолий Алексеевич, вас дезинформировали. Никаким делом Артемова я не занимаюсь. Можете присылать официальный запрос, если это вам нужно...

В этот момент открылась дверь, и в кабинет вошла Верочка. Она улыбнулась Гурову, поставила поднос с двумя чашечками кофе на стол и сказала:

– Извините, Лев Иванович, вас срочно требует к себе Петр Николаевич.

Девушка незаметно для Горшкова подмигнула полковнику и вышла. У них с Гуровым давно существовал договор о взаимопомощи. Вся суть этого неофициального документа сводилась к тому, что по условному сигналу Верочка помогала полковнику сбегать от нежелательных посетителей. Утренний звонок Гурова и был таким сигналом. Этаким «SOS» в милицейском варианте.

– Прошу меня простить, товарищ следователь, – Гуров вновь нарочно подчеркнул свое обращение к Горшкову, чем вызвал его недовольную гримасу. – Начальство требует. Придется вам кофе без меня попить.

– Спасибо, у меня дела, – холодно отклонил предложение Горшков. – Вы все же, Лев Иванович, примите к сведению мои слова...

– Приму-приму, – перебил его Гуров и распахнул дверь. – Ну, раз торопитесь, то не смею вас задерживать. Извините, я тоже не на посиделках. Поэтому до выхода вас провожать не буду. Дорогу найдете.

Гуров закрыл за собой кабинет и пошел в приемную Орлова. Он все равно собирался посетить генерала, поэтому не сильно приврал, послав сигнал о помощи Верочке. В приемной была тишина. Верочка вопросительно улыбнулась входящему Гурову. Он остановился у ее стола.

– Спасибо за помощь, Верочка! – ответил на улыбку Гуров и спросил, кивнув на массивную дверь: – Есть кто у него?

– Нет. И самого нет, – ответила секретарша. – Петр Николаевич с утра у замминистра.

– Позвони мне, когда генерал вернется, – попросил Гуров и вышел из приемной.

Когда Гуров вернулся к себе, Станислав уже был в кабинете. Он развалился в кресле и курил. Крячко сделал вид, что не заметил, как полковник вошел. Он не обернулся на звук открываемой двери, и Гурову пришлось толкнуть кресло.

– Ну-ка убирайся с моего места, бездельник, – рявкнул полковник и улыбнулся.

– Ой, извините, ваше превосходительство! – подскочил с кресла Крячко и состроил на широкой физиономии испуганную мину. – Замечтался. Не извольте гневаться.

– Брось, Стас, – не ответил на пикировку Гуров. – Не в масть сейчас твои шуточки. Лучше бы подумал, что нам с клиникой Западного делать.

– А я подумал, Лева. – Гуров заметил, что Станислав обиделся. – Если хочешь, то могу своими гениальными идеями поделиться. Хотя о чем это я? Гений у нас – ты!..

– Это я и без тебя знаю. – Полковник достал из сейфа папку. – Расскажи, что мне неизвестно.

– Ну, это мне тогда и говорить нечего, – Крячко усмехнулся. – А если честно, Лева, то мне кажется, что у тебя маразм начинается. Подожди, не перебивай. Дай мне высказаться, а потом делай что хочешь.

Станислав достал новую сигарету. Он повертел ее в пальцах, но, уловив недовольный взгляд Гурова, убрал сигарету в пачку. Крячко перебрался за свой стол и бросил «Мальборо» в ящик.

– Не разбегайся, прыгай! – поторопил его Гуров.

– Давай плясать от печки, – проговорил Станислав, глядя Гурову в глаза. – Нам всучили дурацкое убийство, в котором неизвестно было только одно: на хрена его было нужно совершать. Из немотивированного поступка психа ты раздул целую теорию. Благо, психов у нас хватает, и на следующий день тебе новый подвернулся.

Станислав с грохотом выдвинул ящик стола и достал сигареты. Он закурил, не обращая внимания на недовольство Гурова.

Крячко злился. Понимал, что это глупо, но поделать с собой ничего не мог. Ему вдруг вспомнилось, как полковник ушел от «наружки» из квартиры Дурова, когда они разыскивали в Москве международного террориста по кличке Кобра.

Тогда Гурову привиделась жизнь в виде полосатой пижамы. Полоса черная, полоса белая. И Гуров, вместо того чтобы выйти в дверь, выбрался на улицу через окно по водосточной трубе. Ничем, кроме предчувствия, такое поведение полковник объяснить тогда не смог. Но оказался прав. И это сохранило им жизнь важного агента.

Станислав не понимал, почему Гурову удается увидеть что-то необычное там, где остальные не замечают вообще ничего. Он прекрасно знал, что это от бога. Станислав отдавал себе отчет, что обижаться на то, что он сам не наделен такими талантами, было не на кого. Но привыкнуть не мог. Как не мог и не завидовать. По-белому.

– Липченко бы следовало голову оторвать за его разговорчивость. Вот только спасает человека, что он о твоей прогрессирующей душевной болезни не мог догадываться. – Стани-

слав выпустил дым в потолок и вновь посмотрел на Гурова. Тот улыбался. – Лева, ты сам прекрасно видел, сколько в Москве убийств с последующим суицидом. Проверь, и окажется, что среди остальных тоже найдутся сходные черты. Что ты к этим трем прикопался? Я понимаю, что ты человек настырный. Но попробуй найди своей энергии реальное применение. Ты не хуже меня понимаешь, какой глупостью решил заняться.

– Все сказал? – Гуров видел, в каком состоянии находится Станислав, и эта тирада его не удивила. Он улыбнулся и попросил: – Дай-ка мне, Стас, сигарету. Так и не бросишь с вами, занудами, курить.

– Ты бы свои завел, что ли, – пробурчал Крячко. – А то стреляешь все время, словно бомж какой-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.